

Луис Пьер

Афродита

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П96

П96 **Пьер Л.**
Афродита / Луис Пьер – М.: Книга по Требованию, 2022. – 439 с.

ISBN 978-5-519-93985-0

ISBN 978-5-519-93985-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЄ.

Сами развалины древне-греческаго міра поучаютъ насъ, какимъ образомъ мы въ нашемъ современномъ мірѣ могли бы сдѣлать жизнь болѣе сносной.

Рихардъ Вагнеръ.

Мудрецъ Продикъ изъ Кеоса, процвѣтавшій въ концѣ V-го вѣка до Р. Х., былъ авторомъ знаменитой апологіи, которую Св. Василій рекомендовалъ для размышленія христіанамъ: *Гераклъ на распутьи между Добродѣтелью и Сладострастіемъ*. Мы знаемъ, что Гераклъ склонился съ сторону первой, и это дало ему возможность совершить рядъ великихъ преступленій противъ ланей, амазонокъ, золотыхъ яблокъ и гигантовъ.

Если бы Продикъ ограничился этимъ, то онъ написалъ бы только басню съ

весьма поверхностнымъ символизмомъ. Но онъ былъ хорошимъ философомъ, и его сборникъ сказокъ: „*Часы*“, раздѣленный на три части, представлялъ нравственныя истины съ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя онѣ допускаютъ сообразно тремъ возрастамъ жизни. Маленькимъ дѣтямъ онъ любилъ ставить въ примѣръ торжественный выборъ Геракла; молодымъ людямъ онъ, безъ сомнѣнія, рассказывалъ о сладострастномъ выборѣ Париса, и я легко представляю себѣ, что зрѣлымъ людямъ онъ говорилъ приблизительно слѣдующее:

— Одиссей блуждалъ однажды на охотѣ у подножья Дельфійскихъ горъ, какъ вдругъ онъ встрѣтилъ по дорогѣ двухъ дѣвъ, державшихъ другъ друга за руки. У одной были волосы, какъ у фіалки, прозрачныя глаза и влажные уста; она сказала ему: „Меня зовутъ Арета“. У другой были слабыя вѣки, тонкія руки и нѣжныя персты; она сказала ему: „я зовусь Трифея“. И обѣ вмѣстѣ продолжали: „выбери одну изъ насъ“. Но хитроумный Одиссей благо-разумно отвѣчалъ: „Какъ я могу выбрать? Вы неотдѣлимы другъ отъ друга.

Глаза, которые увидѣли только одну изъ васъ безъ другой, уловили бы лишь бесплодную тѣнь. Подобно тому, какъ искренняя добродѣтель не отказывается отъ вѣчныхъ радостей, доставляемыхъ ей сладострастіемъ, такъ и эта слабость была бы плоха безъ нѣкотораго величія души. Я послѣдую за вами обѣими. Ведите меня“—Едва онъ кончилъ, какъ оба видѣнія слились, и Одиссей увидѣлъ, что онъ говорилъ съ великой богиней Афродитой.

* * *

Женщина, которая играетъ главную роль въ предлагаемомъ романѣ, — античная куртизанка; но пусть читатель будетъ спокоенъ: она не обратится на путь добродѣтели.

Она не будетъ любима ни святымъ, ни пророкомъ, ни Богомъ; въ современной литературѣ это будетъ оригинальнымъ.

Она будетъ куртизанкой откровенно, пылко и даже съ гордостью, присущей всякому человѣку, имѣющему известное призваніе и занимающему въ обществѣ то мѣсто, которое онъ самъ себѣ свободно избралъ; она будетъ имѣть често-

любивое стремленіе подняться на высшую ступень; она и не подумаетъ о томъ, чтобы ея жизнь нуждалась въ оправданіи или въ тайнѣ: это требуетъ нѣкотораго объясненія.

До нынѣшняго дня, современные писатели, обращаясь къ публикѣ, менѣе предубѣжденной, чѣмъ молодая дѣвица и юные пансіонеры, пользовались обыкновенно замысловатой военной хитростью, лицемѣріе которой мнѣ совершенно не нравится: „Я нарисовалъ сладострастіе такимъ, какъ оно есть“,—говорятъ они „чтобы тѣмъ самымъ возвеличить, добродѣтель“ Я совершенно отказываюсь допустить подобный анахронизмъ въ предисловіи къ роману, дѣйствіе котораго происходитъ въ Александріи.

Любовь со всѣми своими послѣдствіями была для грековъ чувствомъ наиболѣе добродѣтельнымъ и наиболѣе порождающимъ величіе. Они никогда не связывали съ нимъ понятій безстыдства и нескромности, которыя іудейская традиція внесла къ намъ вмѣстѣ съ христіанскимъ ученіемъ. Геродотъ (I, 10) говоритъ намъ просто: „у нѣкоторыхъ варварскихъ народовъ считается позоръ

нымъ показаться обнаженнымъ“. Когда Греки или Латиняне хотѣли оскорбить человѣка, слишкомъ часто посѣщавшаго веселыхъ дѣвицъ, они называли его „*machus*“, что означаетъ ничто иное, какъ прелюбодѣй. Но если мужчина и женщина, которые никогда не были связаны съ кѣмъ нибудь другимъ, соединялись, хотя бы публично, и какъ бы молоды они не были, то считалось, что они не приносятъ никому никакого вреда и ихъ оставляли на свободѣ.

Отсюда видно, что о жизни древнихъ нельзя судить по тѣмъ нравственнымъ понятіямъ, которыя мы получаемъ теперь изъ Женевы.

Что касается меня, то я написалъ эту книгу съ простотой, какую бы Афинянинъ вложилъ въ передачу тѣхъ же самыхъ событій. Я хотѣлъ бы, чтобы ее и читали съ такимъ же настроеніемъ.

Если бы судить о древнихъ Грекахъ по привившимся теперь понятіямъ, то нельзя было бы *ни одного* точнаго перевода ихъ великихъ писателей дать въ руки гимназисту седьмого класа. Если бы Муннэ-Сюдли игралъ свою роль

Эдипа безъ пропусковъ, представленіе было бы прекращено по требованію полиціи. Если бы Леконтъ де Лиль предусмотрительно не почистилъ Θεокрита, его переводъ былъ бы конфискованъ тотчасъ же по выходѣ въ продажу. Аристофана считаютъ исключеніемъ, но мы имѣемъ значительные отрывки тысячи четырехъсотъ сорока комедій, принадлежащихъ ста тридцати двумъ другимъ греческимъ поэтамъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Алексисъ, Филетеръ, Стратисъ, Еубулъ и Кратинасъ оставили намъ чудные стихи, и никто еще не осмѣлился перевести этотъ сборникъ, безстыдный и очаровательный.

Съ цѣлью защитить греческіе нравы обыкновенно цитируютъ ученіе нѣкоторыхъ философовъ, порицавшихъ похотныя наслажденія. Но здѣсь есть нѣкоторое недоразумѣніе: эти рѣдкіе моралисты относились съ неодобреніемъ ко всѣмъ безъ различія чувственнымъ эксцессамъ, не дѣлая различія между распутствомъ въ спальнѣ и распутствомъ за столомъ. Кто нибудь, кто теперь безнаказанно заказываетъ въ парижскомъ ресторанѣ для себя одного обѣдъ

въ шесть луидоровъ, былъ бы признанъ имъ также виновнымъ и не въ меньшей степени, чѣмъ, тотъ, кто устроилъ бы среди улицы слишкомъ интимное свиданіе и былъ бы за это присужденъ на основаніи дѣйствующихъ законовъ къ году тюремнаго заключенія.—Кромѣ того, на этихъ стропихъ философовъ античное общество смотрѣло обыкновенно, какъ на больныхъ и опасныхъ сумасшедшихъ: надъ ними издѣвались въ театральныхъ комедіяхъ, ихъ избивали на улицахъ, тираны принимали ихъ въ качествѣ придворныхъ шутовъ, а свободные граждане изгоняли ихъ, если только не признавали ихъ заслуживающими смертной казни.

Слѣдовательно, современные моралисты, начиная съ эпохи Возрожденія и вплоть до нашихъ дней, только путемъ сознательной и умысленной подтасовки выставляютъ античную мораль, какъ вдохновительницу ихъ узкихъ догмъ бродѣтелей. Если эта мораль была великой, если она дѣйствительно заслуживаетъ того, чтобы ее взяли за образецъ и слѣдовали ей, то именно потому, что никакая другая не умѣла лучше отли-

читать справедливое отъ несправедливаго, принявъ критеріемъ Прекрасное, провозгласить право cadaго челоѣка искать личнаго счастья въ предѣлахъ, которые ему ставить подобное же право его ближнихъ, и заявить, что подъ солнцемъ нѣтъ ничего болѣе священнаго, чѣмъ физическая любовь, ничего болѣе прекраснаго, чѣмъ челоѣческое тѣло.

Такова была мораль народа, построившаго Акрополь, и если я прибавлю, что она осталась моралью всѣхъ великихъ умовъ, то я только констатирую этимъ цѣнность избитой истины, — настолько уже доказано, что высшіе люди въ умственномъ отношеніи, какъ-то артисты, писатели, военачальники или государственные дѣятели никогда не считали чѣмъ-то недостойнымъ свою величественную терпимость. Аристотель дебютировалъ въ жизни тѣмъ, что растратилъ все свое наслѣдство съ распутными женщинами; Сафо дала свое имя спеціальному пороку; Цезаря называли *mochnus calvus* (лысый прелюбодѣй); — но и Расинъ не особенно избѣгалъ молодыхъ артистокъ, и Наполеонъ не предавался воздержанію. Романы Мира-